

34 F. Cambó (1982) *Meditacions. Dietari (1936-1940)*, Barcelona, Alpha.

35 R. Bendix (1977) *Max Weber. An Intellectual Portrait*, Berkeley, University of California Press, p. 462.

Яэль Тамир

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ *

ПРАВО НА НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Одна из постоянных черт человека, помимо чисто физических, состоит в потребности обладать своей собственной уникальной историей, не сводящейся к истории всего человечества, а также в том, чтобы сохранять и культивировать именно то, что человек считает особенным для себя и наилучшим для данного места и времени и что он считает равным тем универсальным и моральным предпочтениям, которые являются общими для всех.

Стюарт Хэмпшир

Хотя право на национальное самоопределение постоянно оказывается в центре современной политической риторики, его теоретический анализ — явление довольно редкое. Обычно этим занимаются специалисты по международному праву, на чьи работы заметно влияют правовые и политические прецеденты. Политические философы обычно тяготеют к тому, чтобы выводить содержание права на самоопределение из политического обустройства в прошлом и в современности, приходя на этой основе к выводу, что главное в национальном самоопределении — право решать, "станет ли (или останется ли) данная территория независимым государством."¹ В интерпретации, которая доминирует в постколониальную эру, основной акцент делается на том, что "народ, если такова его воля, вправе обрести независимость от иностранного господства, иначе говоря, создать суверенное государство на той территории, на которой он проживает и составляет этническое большинство."²

Однако вытекающие из права на национальное самоопределение претензии лежат скорее в культурной, не-

*Главы из книги *Yael Tamir. Liberal Nationalism. Princeton University Press. Princeton. New Jersey. 1993.*

жели в политической сфере: это прежде всего право обеспечить историческую сохранность нации в качестве самостоятельной и отдельной от других культурной общности. Это право совсем не то же самое, что право индивидуумов самим управлять своим существованием и участвовать в свободных и демократических политических процессах. В этой главе мы разовьем одно из центральных для теории либерального национализма утверждений, а именно, тезис, что национальные притязания — это не то же, что требование политического суверенитета.

У культурной интерпретации права на национальное самоопределение есть два основных преимущества. Во-первых, она помещает это право в общий контекст прав, которыми обладают различные культурные группы, такие как этнические меньшинства и коренные народности. Во-вторых, она, по-видимому, лучше приспособлена к реалиям современного мира, где существует очевидное напряжение между явными преимуществами транснациональной экономической, стратегической и экологической кооперации, с одной стороны, и растущим беспокойством за сохранение национальной и культурной специфики, с другой, беспокойством, ведущим к требованию о разделении, о создании автономных национальных структур.

Идея, согласно которой право на национальное самоопределение утверждается прежде всего в сфере культуры, основывается, главным образом, на понимании наций как определенных типов культурных сообществ. Поэтому наш первый шаг — обоснование этой модели.

НАЦИИ, ГОСУДАРСТВА И КУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА

Понятие нации довольно расплывчато, так что лучше начать с попытки установить, чем нация не является. Например, нация — это не государство. Такой вывод может показаться самоочевидным, но, к сожалению, в последнее время понятия нации и государства нередко используются друг вместо друга. Доклад о национализме, подготовленный специальной исследовательской группой из Королевского Института международных проблем, определяет "нацию"

как «термин, обозначающий общество, имеющее единое правительство, словом — синоним для таких терминов, как "государство" или "страна". Это значение термина "нация" не просто отражает его самое распространенное речевое употребление, но встречается также и в таких официальных формулах, как "закон наций" или "Лига Наций"».³

Такое отождествление понятий нации и государства находит одобрение у Вейля, заявляющего, что "для определения нации не существует другого способа, кроме использования этого слова для обозначения совокупности территорий, все части которой признают власть одного и того же государства."⁴ В том же духе высказываются как Дейч, определяющий нацию как "народ, обладающий государством"⁵, так и Герц, отмечающий широкую распространенность отождествления нации с народом единого государства и утверждающий на этой основе, что "каждое государство образует нацию, членство в которой принадлежит всем ее гражданам."⁶ По аналогии термин "национальный" обычно используется для обозначения "чего-то, что государство контролирует или за что оно несет ответственность — например, национальный долг или национальное медицинское страхование."⁷

Эти определения могли бы привести нас к заключению, что понятия государства и нации либо полностью неразличимы, либо по меньшей мере представляют две различных стороны одного и того же исходного понятия, только первое из них относится к аспекту его устройства, второе же — к тем людям, которые участвуют в формировании и деятельности этих политических институтов. Тогда можно было бы ожидать, что и определение "государства", в свою очередь, будет включать какие-то параметры, которые обнаруживаются в определении нации. Однако это не так: в определениях государства понятие нации если и упоминается, то только в словосочетании "нация-государство", обозначающем одну из возможных форм государственности. Например, "Британская Энциклопедия" определяет государство как политическую организацию общества. У слова "государство" есть два общепринятых смысла: первый, самый общий, обозначает всю совокупность связанных им лю-

дей, а второй, более частный, относится к институтам управления обществом. От всех прочих ассоциаций государство отличается своими целями и методами их достижения, наличием четких территориальных границ, в которых действует его власть, и специфическим суверенитетом. Суверенитет составляет наиболее важную особенность государства, поскольку именно он влечет за собой присущую государству монополию власти и право на установление и проведение в жизнь общих для всех законов.

Дайсон считает основной чертой государства специфический характер прерогатив власти (иначе говоря, тот же суверенитет), исключительные по своим масштабам и растущие ресурсы физического могущества и наличие четко определенной территории.⁸ Напротив, для понятия нации ни одна из этих особенностей не считается существенной.⁹

Упомянем еще статью о государстве в "Словаре истории идей", написанную Д'Энтревесом. В конце этой работы автор предсказывает, что на смену нации-государству придет "новое наднациональное государство". За этой гипотезой у него следует интересный вопрос, на который сразу же дается ответ:

"Но будет ли исчезновение нации-государства означать и исчезновение самого государства, его "отмирание", если использовать известное марксистское выражение? Одно не подлежит сомнению: до тех пор, пока будет существовать организация, обладающая силой принуждения, способная регулировать власть и заключать союзы, она не будет ни чем иным, как государством."¹⁰

Таким образом, для Д'Энтревеса нынешние связи между государствами и нациями — всего лишь историческое совпадение, которое не должно маскировать концептуальные различия между ними. Как правильно подчеркивает Сетон-Уотсон, государство — это "правовая и политическая организация, обладающая властью требовать от своих граждан подчинения и лояльности", в то время как нация есть "человеческое сообщество, члены которого объединены чувством солидарности, общей культурой и национальным сознанием."¹¹

В чем источник путаницы между понятиями нации и

государства? Можно было бы не без оснований заявить, что по крайней мере частично она объясняется преднамеренными усилиями затемнить различие между утверждением, что каждая нация должна иметь свое государство (или, скорее, что каждое государство должно выводить свою легитимность из существования соответствующей нации), и утверждением, что нация — это и есть государство. Эту тенденцию к стиранию всех различий между понятиями нации и государства хорошо иллюстрирует попытка представить националистический лозунг "один народ, одна страна, один язык" в качестве не нормативного, а описательного утверждения.¹² Однако широкую распространенность этого неверного отождествления вряд ли можно объяснить одной лишь сознательной националистической пропагандой — судя по всему, оно отражает исторические процессы, которые сопровождали формирование современных наций-государств.

Давайте вновь обратимся к времени, когда это происходило — к концу XVIII столетия. Именно тогда государство стало отождествляться со своими подданными, а не правителями — это соответствовало философии Руссо и отражало ее влияние на политическое развитие. В основе Американской и Французской революций лежало убеждение, что государство должно быть "институциональным воплощением народной воли"¹³. Это означало важный сдвиг в понимании легитимности, которую отныне стремились обрести политические институты: они искали ее уже не в божественном или династическом праве монархов, а в массовом добровольном согласии. Отсюда вытекало, что граждане имеют право участвовать в управлении страной и что воля народа — основа власти правительства. Этот сдвиг поставил в центр политического мышления эпохи демократическую интерпретацию права на политическое самоуправление. В самоопределении стали видеть "пригодный для всего человечества демократический идеал."¹⁴

Соответствие между демократическими универсалистскими идеалами и зарождающейся национальной идеологией отражало социополитические реалии того времени. Американская Революция дала жизнь новой нации,

включавшей в себя лишь тех, кто уже пользовался политическими правами перед подписанием Декларации Независимости, и исключавшей безземельных бедняков, женщин, чернокожих и индейцев.¹⁵ Право на самоопределение при этом понималось как эквивалент права налогоплательщиков на политическое представительство. Тем самым произошло фактическое совмещение понятий государственного гражданства и национальной принадлежности. Оно оказалось столь сильным, что сохранилось вплоть до настоящего времени: в Соединенных Штатах и сегодня понятие "нация" относится к федеральному государству.

Другой процесс, хотя и со сходными результатами, разворачивался во Франции. В то время, как в Америке нацию создало новое государство, во Франции ее определило третье сословие. Устремившееся обрести независимый от старого королевского режима источник политической легитимности, оно буквально "изобрело" нацию, объявило самих себя ее истинными представителями и потребовало права на самоуправление. В итоге государство сделалось официальным воплощением нации и одним единственным подлинным отечеством. Как писал в 1790 г. Альбад Вольфиус, "истинное отечество — это политическое сообщество, где все граждане защищены одними и теми же законами, объединены одними и теми же интересами, пользуются естественными человеческими правами и участвуют в одном и том же общем деле."¹⁶

В итоге на том историческом этапе вопрос, кто составляет народ, подданные государства или члены нации, выглядел не имеющим значения. Но отныне нация, отождествленная с совокупностью граждан, стала пониматься как "множество всех, множество индивидуумов, которые могут претендовать на то, чтобы представлять определенную территорию в советах, сеймах или парламентах, либо избирать своих представителей." Стало общепризнанным, что "принцип суверенитета воплощается в нации и что никакая группа и никакой индивидуум не могут осуществлять функций власти, если они не подкреплены национальным суверенитетом."¹⁷ Нация сделалась уникальным символом партнерства между всеми членами политического устрой-

ства и одновременно — воплощением связей между правителями и их подданными. В итоге появилась новая политическая норма, подтверждающая, что национализм является легитимизирующим принципом политики и формирования государства и что никакой другой принцип не пользуется всеобщей поддержкой"¹⁸. Так завершился сдвиг от оправдания государства, базирующегося на демократических принципах, к оправданию государства, основанного на национализме, сдвиг от убежденности в правах граждан на самоуправление к уверенности в праве наций на самоопределение. Возникла новая политическая терминология, маскирующая возможные внутренние противоречия между демократическим и националистическим подходом.

В современном политическом словаре право индивидуумов на выбор системы правления остается основным постулатом как либеральной, так и националистической идеологии. Однако с конца XVIII столетия ход истории был отмечен множеством событий социальной, экономической и политической жизни, таких как миграции, возникновение новых государств, объединяющих более, чем одну нацию, и вовлечение в политические процессы ранее исключенных из них групп. Все эти события подорвали отождествление граждан государства с членами нации, так что теперь уже нельзя приравнивать право граждан на самоуправление и право членов нации на самоопределение. Вряд ли на земле осталось хотя бы одно национально однородное государство, однако политический словарь еще не успел приспособиться к этим переменам. В 1960 г., когда был составлен проект Пакта о правах человека, уже было ясно, что понятия "народ" и "нация" никогда не были точно определены, в результате чего возникла путаница между ними и понятием национального большинства.

Поскольку нация стала единственным законным источником государственной легитимности, каждая группа, считающая себя нацией, стала испытывать стремление к провозглашению своего независимого государства, а жители каждого государства обрели надежду, что они перестанут быть просто населением и станут нацией. От прави-

тельств стали требовать доказательств, что они представляют не просто некие множества индивидуумов, а именно нации. В итоге у правительств появился стимул сделать население своих стран более однородным, и они стали вмешиваться в языковые проблемы, в исторические интерпретации, в мифы и символы, или, более широко — в культуру своих стран. Тем самым современные нации-государства в попытках строительства наций оказались проводниками культурного, лингвистического, а подчас и религиозного объединения населения.

Этот холистический характер нации-государства нашел поддержку в руссоистской концепции всеобщей воли, в органической концепции государства, развитой Берком, и в гегелевском понимании государства как "этического целого, воплощения идеи свободы."¹⁹ Берк заканчивает свои "Размышления о Французской революции" идеалистическим и освященным описанием государства, в котором особая роль придается существованию метафизической связи между государством и нацией, противопоставляемой обсуждавшейся ранее гражданской связи. Государство, заявляет Берк, это не "партнерство в отношении того, что относится к чисто физическому существованию человека, к его временной жизненной природе. Это партнерство в познании, во всех добродетелях и во всех попытках обрести совершенство. Поскольку достижение этой цели требует совместной работы многих, такое партнерство устанавливается не только между современниками, но и между ныне живущими поколениями, их уже умершими предшественниками и их еще неродившимися потомками."²⁰

Легко видеть, что государство здесь понимается как своего рода кузница, кующая общественные, культурные и этические качества индивидуумов, как арена, на которой создаются, передаются и совершенствуются мораль и духовность.

Политическая интерпретация права на национальное самоопределение дала начало двум весьма различным интеллектуальным течениям: идеалистическому, лучше всего представленному в трудах Гегеля, и индивидуалистичес-

ки-гражданскому, развитому Миллем. Как пронизательно показал Берк, типичное для гражданской версии этого права отождествление индивидуальных и национальных свобод было естественным для такой страны, как Англия, развившей в течение столетий целую "родословную свобод", восходящую еще к Великой Хартии Вольностей. Подобных традиций не было ни в Германии, ни в России, поэтому там отождествление с историей и "духом" нации должно было со всей вероятностью вести к отбрасыванию либерально-демократических ценностей и к возникновению романтических и органических концепций. Эти страхи воплощены в гегелевской философии нации-государства, которое, с его точки зрения, есть ни что иное как сам "разум в его неизбывной рациональности и непосредственной действительности, и тем самым абсолютная власть в земных делах." На каждой стадии человеческой истории существует какая-то нация, "в которой воплощается момент всеобщей идеи в форме естественного принципа, помогающего саморазвитию и самопознанию мирового разума. В это время такая нация доминирует в мировой истории, что составляет ее единственный звездный час."²¹ Своей концепцией Гегель решительно противостоит воплощенному в гражданской версии индивидуализму, в котором он видит лишь прославление эгоизма и индивидуального своеволия и источник плутократии. Он критиковал своих современников-немцев за бесконечные внутренние склоки, партикуляризм и провинциализм. В конечном счете Гегель пришел к выводу, что единственное спасение германской нации состоит в подчинении всех ее частей единому целому. Его взгляды дают метафизическое обоснование союза между нацией и государством, поскольку из них вытекает, что политическая независимость является необходимым предварительным условием, чтобы нация смогла выполнить свою историческую миссию и стать "носителем" определенной стадии развития "мирового разума".²²

Эти две традиции, каждая из которых санкционирует отождествление "государства" и "нации", стали доминировать в современном понимании нации-государства. Однако само подобное отождествление не выдержало исторической

проверки — ведь сегодня национально однородных государств почти что не осталось. Безотносительно к тому факту, что нации могут пытаться создавать государства, а государства могут предпочитать видеть в себе представителей наций, понятия нации и государства уже более не перекрываются.

До сих пор мы говорили о том, чем нация не является. А теперь...

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ НАЦИЯ?

Для ответа на этот вопрос можно было бы начать с современного понятия национального строительства. Очевидно, что любые сознательные попытки создать новую нацию должны направляться общими представлениями о том, к какому результату следует придти в итоге.

Как только мы задумываемся об этом, сразу же делается очевидным неустрашимое противоречие между самой постановкой задачи преднамеренного стимулирования рождения еще не существующей нации и представлением о нациях как о естественных сообществах, плодах совместных усилий истории и судьбы. Чтобы прикрыть эту неувязку, создатели наций пускаются в ревностные поиски "древних истоков", к которым могла бы "вернуться" новая нация, проявляя готовность выискивать сколь угодно слабые подтверждения своей исторической непрерывности и развивать явно ложные утверждения относительно местонахождения и исторических корней. Акцентируя эти "связи с прошлым", создатели наций пытаются нейтрализовать обстоятельство, что их нация явилась на свет в итоге бюрократического решения или международного соглашения, а ее национальное самосознание только лишь начинает приобретать какие-то очертания. Они концентрируют свои усилия на конструировании и распространении образа "подлинной нации" как некоторой группы, единство которой создается общностью культуры, истории, языка, традиций и ритуалов. "Как учит национализм, наций без прошлого попросту не быва-

ет."²³ Следовательно,

«Те движения, которые не могут основывать свои претензии на существовании каких-то сообществ с длительными и богатыми культурными традициями, пытаются найти для них подходящие заменители, в случае необходимости "изобретая", или, скорее, "переоткрывая" и "аннексируя" для себя чужие истории и культуры, чтобы тем самым обеспечить себе культурное наследие, без которого ни один национализм не может обрести широкого признания»²⁴

Поэтому история всех наций буквально перенасыщена придуманными традициями.²⁵ Хобсбаум определяет такие традиции как "наборы разных практик, обычно управляемых как явно или неявно принятыми правилами, так и какими-то ритуалами или символами, направленными на усвоение определенных ценностей и поведенческих норм посредством механизма повторения, автоматически предполагающего непрерывность с прошлым."²⁶ Подобную же роль играет и акцент на единую для всей нации культуру. Культура, по самому своему определению, обладает прошлым, обладает историей; "центральное ядро культуры состоит из традиционных, иначе говоря, исторически сформированных и отобранных идей и особенно связанных с ними ценностей."²⁷ Посредством приписываемой ей связи с прошлым, культура подкрепляет национальные претензии на подлинность и уникальность. Важность, которую строители наций придают изобретению национальных традиций и декларированию существования национальной истории и культуры, показывает значение идей этого рода в будущей национальной жизни. Они удовлетворяют потребность в исторической непрерывности, желание представить хотя бы какие-то аспекты общественной жизни в качестве неизменных и инвариантных, стремление обрести надежную опору для самоидентификации.

Данное Остерудом определение национального строительства как суммы политик, направленных на поощрение национальной интеграции, бросает свет на другой аспект националистической концепции нации. Как отмечает Остеруд, национальное строительство — "это архитектурная метафора для обозначения предпринимаемых государством

усилий по объединению страны и превращению ее жителей в единое национальное товарищество."²⁸ Такой идеал национального братства символизирует веру в существование особых связей и взаимных обязательств, объединяющих членов нации в единое целое. Националисты видят в этом идеале естественный итог коллективной судьбы, общей для всех культур и столь же общей веры в общее будущее. Поэтому они делают особый акцент на то, что нация представляет собой "заботливое сообщество", внутри которого отдельные индивидуумы оказываются способны сотрудничать во имя общего процветания, преодолев свои эгоистические наклонности.

Понятие национального строительства также иллюстрирует расхождения между субъективными и объективными определениями нации. Люди пытаются обосновать существование наций посредством ссылок на ряд характерных особенностей. Тем не менее, все попытки выделить специфический набор таких качеств (будь то общий язык, история, коллективная судьба, религия, территория, климат, раса, этнические черты и т.п.) в качестве необходимых и достаточных критериев нации неизменно терпели неудачу. Хотя эти качества и присутствуют в характеристиках многих наций, ни одна реальная нация не обладает всеми ими сразу. Поэтому нацию можно было бы осмыслить как "пучковое" понятие; иначе говоря, для того, чтобы считаться нацией, группа должна обладать каким-то "достаточным количеством" определенных особенностей. Хотя различные нации могут и не обладать раз навсегда заданным набором общих для всех идентифицирующих черт, все же непременно существует некое "фамильное сходство".

Лишь один фактор необходим (хотя и недостаточен) для того, чтобы данная группа могла считаться нацией: наличие национального сознания. Согласно Коббану, в лучшем случае можно заявить, что "нацией является любое территориальное сообщество, члены которого осознают свое коммунальное единство и желают его сохранить."²⁹ К такому же выводу приходит и Сетон-Уотсон, отмечающий невозможность изобретения научно точного определения нации. В лучшем случае можно говорить

о ее существовании, если "в данном сообществе достаточное число людей считают себя принадлежащими к одной и той же нации или ведут себя так, как если бы эта принадлежность имела место."³⁰

Мы достигли стадии, когда стало важным провести различие между двумя тесно связанными терминами — нацией и народом. Хотя в литературе они часто используются в качестве синонимов. Нация — это все же сообщество, осознающее свою особость, выделенность, уникальность. В то же время понятие народа относится к тому же семейству, что и понятия семьи или племени; иначе говоря, народ — это одна из тех общественных ассоциаций, чье существование не зависит от сознания ее членов. Отсюда следует, что для подобных ассоциаций должны существовать объективные связующие характеристики (скажем, кровное родство, расовые связи, территориальное единство или что-то еще в этом же роде), наличие которых позволяет внешнему наблюдателю идентифицировать их безотносительно к менталитету членов. Устойчивость исторического существования народов, в отличие от устойчивости наций, не зависит от наличия национального самосознания или желания индивидуумов видеть в себе членов одной и той же нации.

В настоящей работе мы будем рассматривать в качестве нации такую группу, которая, с одной стороны, осознает себя группой и, с другой, обладает достаточным числом относящихся к делу объективных характеристик, подобно общему языку, территории или истории. Естественно, что произвольно собранная группа индивидуумов, не обладающая никакими общими характеристиками, подобными перечисленным выше, не может стать нацией по своему собственному хотению. Однако если попробовать ответить на вопрос, что составляет достаточное число *различных* характеристик нации, то придется признать, что мы не сможем полагаться на одни только объективные характеристики. Прочерчивание конкретных границ нации включает в себя сознательные и упорные усилия уменьшить важность объективных внутригрупповых различий и одновременно подчеркнуть особость данной группы по отношению к аутсайдерам.

Интересный пример представляет еврейская нация. Для евреев из Израиля, России, Эфиопии и Соединенных Штатов характерны лишь немногие общие объективные характеристики, такие как расовые черты или цвет кожи, хотя, по их собственным заявлениям, они обладают общей религией и историей. Мой собственный иудаизм весьма отличается от иудаизма эфиопского еврея или любавичевского ребе, или приезжего из Латвии, никогда не соблюдавшего норм иудаизма и до недавнего времени даже не подозревавшего о них. Сомнительно поэтому, чтобы внешний наблюдатель смог установить общность евреев как единой нации на основе одних лишь объективных характеристик. А вот палестинская нация предлагает диаметрально противоположный пример. Палестинцы имеют множество объективных общих черт со всеми прочими арабами. Не исключено, что с исторической, культурной, лингвистической и религиозной точек зрения у палестинцев больше общего с иорданцами или сирийцами, чем у эфиопских евреев с уроженцами Израиля. Тем не менее палестинцы чувствуют, что они составляют особую нацию, в то время как эфиопские евреи и евреи-уроженцы Израиля видят в себе членов одной и той же национальной группы. Конечно, такие чувства могут со временем меняться, итогом чего оказывается распад одних и рождение других наций. Нации существуют лишь постольку, поскольку их члены разделяют чувство коллективной принадлежности. В этом смысле ренановская метафора национальной сопричастности как "ежедневного плебисцита"³¹ точно отражает важную роль "желания принадлежать" при определении нации. Хэмпшир отмечает важность сознательного акцентирования сходства и столь же сознательного пренебрежения различиями в осознании нации следующим образом:

"Сознательное и преднамеренное подчеркивание групповых различий в поведении и интересах является следствием разделяемой привычки осмысливать эти различия исторически и в таких терминах, которые делают их более выпуклыми... В мире существуют тысячи языков, которые используются для сохранения истории и обычаев раз-

*личных человеческих групп; эта затверженная история в свою очередь подкрепляет осознание различий."*³²

Ренан же утверждает, что возникновение нации зависит как от "обладания общим богатым наследием воспоминаний", так и от "общей амнезии, иначе говоря, коллективной забывчивости".³³ Французская нация предпочитает подчеркивать свою целостность, а не акцентировать отдельную историю и традиции бретонцев, провансальцев, бургундцев, германцев, басков и каталонцев. Подобно тому как англичане, чтобы усилить чувство национального единства, не стремятся замечать различий между бриттами, англами, саксонцами, ютландцами и датчанами.

И старые, и новые нации тяготеют к тому, чтобы мысленно переделывать свое прошлое, заново интерпретировать свою культуру, забывать отличия и акцентировать общие черты, чтобы тем самым создать иллюзию "естественной" национальной единицы с длительной и славной историей и многообещающим будущим. Этот процесс имеет место внутри определенного контекста и не предполагает, что "случается всякое". Все эти изобретения зависят от существования определенных разделяемых характеристик, которые могут специально выделяться, чтобы усилить ощущение единства и позволить членам группы признать в себе представителей единой нации. Уверенность что "нация создает человека", иллюзия того, что при проведении границ между национальными группами мы можем полагаться на национальный характер, очень важны для понимания современного национализма:

*"Некоторая группа индивидуумов (например жители определенной территории или носители определенного языка) делается нацией, если и когда ее члены твердо признают определенные взаимные права и обязанности, вытекающие из своего членства в этой группе. Именно общее признание существующих взаимных связей и превращает их в нацию, а отнюдь не другие общие черты, какими бы они ни были, отделяющие членов этой группы от тех, кто к ней не относится."*³⁴

Культура — это и есть та совокупность специфических особенностей, которые позволяют нации обособиться от

других наций. Вот что по этому поводу пишет Уильямс:

*"Каждое человеческое общество обладает собственной формой, собственной целью и собственным смыслом. Каждое общество выражает себя в своих институтах, искусствах и наклонностях. Создание общества — это нахождение общего смысла и направлений, а его рост — это постоянные споры и поправки под воздействием опыта, контактов, открытий. Даже зрелое общество постоянно заново переделывается в сознании своих членов"*³⁵.

Культура здесь понимается как всеохватывающая структура поведения, языка, норм, мифов и символов, позволяющих ее носителям распознавать друг друга. Отсюда следует, что два человека принадлежат к одной и той же нации, если — и только если — они разделяют единую культуру³⁶.

По мнению Андерсона, сообщества нужно отличать друг от друга не по критерию их подлинности или искусственности, а в соответствии со способами их мысленного представления. Нации — это сообщества, представляемые через культуру, иначе говоря, "культурные артефакты" определенного типа³⁷. Современные нации слишком велики, чтобы все их члены могли общаться непосредственно друг с другом. Поэтому распознавание своих соотечественников, иначе говоря, проведение границ между членами и не членами данной нации, делается продуктом человеческого воображения, в основе которого лежит уверенность, что все члены нации имеют некие общие черты.

Определение наций как культурных сообществ, выделяемых силой воображения их членов, создает множество сложностей. В мире существует много видов культурных групп, от гигантских, таких, как западная цивилизация в целом, до небольших, подобных общинам амишей. Чисто интуитивно мы не стремимся называть их нациями, хотя может показаться, что они более или менее удовлетворяют нашему определению. Как же тогда провести четкую границу между нациями и прочими культурными группами? У нас нет удовлетворительного ответа на этот вопрос. Стремление к большей точности, даже если бы ее и можно было добиться, заставило бы сбросить со счетов бесконечное разнообразие социальных феноменов, претендую-

щих на титул нации. Признанные нации часто устанавливают критерии, изобретенные для того, чтобы не позволить другим группам тоже приобрести статус нации, выставляя для этого требования к численности, территории или языку. Однако нет никакого объективного способа решить, достаточно ли близки две культуры, чтобы их нельзя было разделить, и достаточно ли значимы различия между ними, чтобы оправдать возникновение новой группы. Следовательно, если члены некоей группы обладают какими-то общенациональными чертами и поэтому провозглашают себя нацией, нужно признать их в этом качестве, чтобы они не стали жертвами неоправданной несправедливости.

Наше определение имеет смысл, несмотря на то, что при его применении в некоторых промежуточных случаях возникают нелегкие проблемы. Это верно, что требования национального самоопределения обычно провозглашаются группами, чье право на статус нации достаточно сильно. Предлагаемый в следующем разделе анализ этого права показывает преувеличенность страхов относительно возможной фрагментации современной политической системы, вызванной принятием слишком расплывчатого определения нации. Эти страхи стимулируются подозрением, что за каждым требованием национального признания скрывается сепаратистское намерение создать независимую нацию-государство. На деле это совсем и не всегда так.

АРГУМЕНТЫ В ЗАЩИТУ ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В нашем столетии особенно жаркие споры по поводу права наций на самоопределение возникали в три ключевых периода: по окончании первой мировой войны ("Четырнадцать пунктов" Вильсона); после второй мировой войны и в последующий период деколонизации; и, наконец, вслед за социальной и политической революцией конца 80-х годов в Центральной и Восточной Европе. И каждый раз это право утверждалось и обосновывалось в различных терминах.

Право на национальное самоопределение исторически интерпретировалось двумя способами, каждый из которых отправлялся от своего собственного понимания нации и видел свое оправдание в защите специфических для себя индивидуальных интересов.

Согласно *культурной* версии, "нация" определяется как сообщество, разделяющее набор объективных характеристик, проходящих по ведомству культуры и национального сознания. Соответственно, право на национальное самоопределение понимается как право нации (или, точнее, ее членов) сохраняться в качестве отдельной от других человеческой общности и поддерживать свою общественную жизнь в соответствии со своими собственными привычками, традициями и ценностями. Напротив, *демократическая* версия видит в "нации" группу индивидуумов, подчиняющихся правилам определенной политической системы. Поэтому право на самоопределение понимается здесь как право членов общества участвовать в его управлении. Это последнее право покоится на принципе, сформулированном во Всеобщей декларации прав человека: "Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей."

Из этих интерпретаций вытекают два независимых подхода к фундаментальным принципам формирования и развития государств. В то время как первая специально акцентирует национальную основу права на самоопределение, вторая выводит его не из национального мышления, а из либеральных и демократических идеалов.

Хотя многие споры о праве на национальное самоопределение отражают путаницу между этими двумя версиями, самоуправление и национальное самоопределение — два различных понятия. Они отличаются в своих индивидуалистических и общественных аспектах, отражают различные представления о человеческой пользе и выводят свою ценность из разных наборов человеческих ценностей.

Индивидуалистический аспект обоих прав ставит на первое место личную автономию и право людей на сознательный выбор. Если речь идет о праве на самоопределение, этот аспект относится к способам, посредст-

вом которых индивидуумы определяют персональную и национальную идентичность. Напротив, в случае права на самоуправление, он фиксирует право людей управлять собственным существованием, не подчиняясь внешнему диктату.

Если обратиться к общественному аспекту, национальное самоопределение означает процесс, посредством которого индивидуумы пытаются публично выразить свою национальную идентичность. Поэтому его часто описывают как право индивидуумов на социальную сферу, имея в виду, что те вправе создавать общественные институты и строить свою общественную жизнь способами, которые отражают их групповые ценности, традиции и историю, короче говоря, их культуру. Общественный аспект самоуправления относится к праву индивидуумов участвовать в определении целей и политических курсов, принимаемых политическими группами, к которым они принадлежат, иначе говоря, к праву влиять на серьезные решения относительно политических процессов. Вот почему здесь во главу угла ставится право жителей участвовать в управлении страной.

Таким образом, если индивидуумы имеют право участвовать в честном политическом процессе, если все они имеют равные возможности представлять на суд других собственные взгляды и агитировать за их принятие, то можно сказать, что они реально обладают самоуправлением. Но это еще не означает принятия чьих-то конкретных взглядов на все случаи жизни. В плюралистических и гетерогенных сообществах, каковыми являются большинство современных государств, никто не в состоянии навязывать другим свои воззрения по большинству вопросов. Таким образом, каждый индивидуум в результате честной политической дискуссии может оказаться в меньшинстве, хотя при этом никто не сможет навязать другим свои нормы поведения и культурные предпочтения, и никто в то же время не сможет пожаловаться на нарушение права на самоуправление. Следовательно, если люди получают равные возможности участвовать в политических процессах, независимо от их результатов, то тем самым и осуществляется право на самоуправление.

Право на национальное самоопределение, напротив, зависит не только от реальной возможности влиять на культурную жизнь своей социально-политической системы, но и от результатов этого влияния. Как считается, национальное самоопределение реализуется лишь тогда, когда какие-то уникальные национальные особенности находят выражение в политической сфере.

Для иллюстрации различий между самоуправлением и национальным самоопределением приведем несколько примеров. Процесс европейского объединения может со временем закончиться созданием единого государства, все граждане которого, вероятно, будут обладать полным набором гражданских прав. Такое государство позволит всем европейцам реализовать право на самоуправление, но совсем не обязательно даст возможность людям различных наций осуществить право на национальное самоопределение³⁸. Напротив, недемократическое нация-государство лишает своих жителей права на самоуправление, но не права на национальное самоопределение. Борьба за национальное самоопределение не только отличается от либерально-демократических усилий по завоеванию гражданских и политических прав, но может даже вступать с ними в противоречия. И в самом деле, как показывает история, люди нередко, даже ценой отказа от гражданских прав и свобод, стремятся добиться для своей собственной нации статуса и признания. Поэтому Комитет по правам человека совершил ошибку, увидев в праве на национальное самоопределение важнейшее условие соблюдения индивидуальных прав человека³⁹. Нередко случается так, что нации, добившиеся самоопределения, устанавливают у себя режимы, ограничивающие права человека. В то же время люди могут пользоваться всеми гражданскими правами, даже если они живут под началом представителей других национальностей. Как видно из примеров, приведенных выше, национальное самоопределение само по себе имеет мало общего с гражданскими правами и участием в политической жизни. Если воспользоваться определением Берлина, цель национального самоопределения — не всеобщие свободы и

гражданские права, а достижение определенного статуса; это борьба за признание, а не за "равенство юридических прав" или за "свободу поступать по собственному желанию", хотя для некоторых эти права могут быть чрезвычайно важными. Подобная борьба отражает желание жить в наполненном смыслом окружении, где человек может ощущать близость к своим правителям или даже отождествлять себя с ними, и не важно, реальность ли это или только утешительная иллюзия.

*"Именно стремление к взаимному признанию заставляет людей подчас предпочесть самые авторитарные демократии наиболее просвещенным олигархиям. По той же причине жители недавно освободившихся азиатских и африканских стран выказывают иногда меньше недовольства своими нынешними жестокими правителями-земляками или соотечественниками, чем это было в прошлые колониальные времена, когда ими управляли осмотрительные, справедливые, разумные и доброжелательные администраторы из метрополии. Я могу ощущать свою несвободу в том смысле, что во мне не признают самостоятельную и способную принимать решения личность. Но я могу испытывать те же чувства уже в качестве члена непризнанной или недостаточно уважаемой группы; в этом случае я буду стремиться к эмансипации всего своего класса, или сообщества, или расы, или профессии. Я могу желать этого настолько сильно, что скорее соглашусь иметь скверное и недобросовестное правление представителя моей собственной расы или общественного класса, который будет признавать во мне человека и соперника, иначе говоря, равного себе, чем подчинюсь справедливому и терпимому представителю далекой и чуждой мне группы, который с высоты своего положения не признает во мне того, кем я сам хочу себя видеть. В этом, и именно в этом состоит в наши дни суть призывов к признанию со стороны как индивидуумов, так и групп — профессий и классов, наций и рас."*⁴⁰

Люди хотят, чтобы ими правили институты, не чуждые их собственной культуре, поскольку это облегчает им

участие в общественных делах. Когда есть возможность найти в политических структурах отпечатки своей собственной культуры, когда в политических институтах отражаются знакомые традиции, исторические объяснения и нормы поведения, люди начинают осознавать себя создателями, или по меньшей мере, носителями разумных и осмысленных воззрений.

Право на национальное самоопределение не сводится к другим человеческим правам, в частности, оно отличается от права на политическое участие, на свободу речи, печати, собраний и объединений. Поэтому нельзя заявлять, что при полном соблюдении гражданских прав "трудно видеть, как можно отказать в праве на самоопределение."¹ Представители национальных меньшинств, живущие в странах с самыми либеральными и демократическими системами, например канадские индейцы и жители провинции Квебек, австралийские аборигены или баски во Франции ни в малейшей степени не лишены прав и гражданских свобод. Тем не менее они чувствуют себя ущемленными и отброшенными на обочину, поскольку вынуждены подчиняться политическим институтам, основанным на культуре, им чуждой.

Если право на национальное самоопределение не сводится к праву на самоуправление или к гражданским правам и свободам, то в чем же оно состоит?

СУЩНОСТЬ КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Развитая на предшествующих страницах культурная интерпретация права на национальное самоопределение представляет его как право индивидуумов выражать свою национальную идентичность, а также защищать, сохранять и культивировать само существование своей нации как самостоятельной группы. Сейчас представляется очевидным, что право на национальное самоопределение — это просто частный случай более общего права на собственную культуру. В таком свете право на национальное самоопределение нужно понимать как индивидуальное право, определяемое сознательным решением каждого человека

отождествить себя с данной национальной группой и выразить эту принадлежность публично. Отдельные индивидуумы действительно могут пользоваться правом на национальное самоопределение, но для его полного выражения требуется соответствующее общественное пространство. Однако встает вопрос: вытекает ли из права индивидуумов на публичное выражение своей национальной идентичности право на создание собственного национального государства?

Чтобы решить эту проблему, нам потребуется довольно длительное обсуждение. Право на национальное самоопределение можно обосновать, исходя из следующих шести предпосылок:

1. Принадлежность к определенной нации является одним из важнейших факторов, которые формируют самоосознание личности, ибо оно находится под сильным воздействием статуса национального сообщества, с которым человек себя отождествляет. Как качество жизни человека, так и уважение к нему со стороны окружения, зависит от способности видеть в себе активного члена уважаемого сообщества, хотя и не определяется ею полностью. Поэтому благосостояние человека, понимаемое в широком смысле этого слова, в значительной мере определяется тем, дано ли ему обрести безопасное, достойное и процветающее национальное существование.

2. Поскольку людям свойственно стремление к сохранению своей национальной идентичности, они вправе рассчитывать на обретение прав, которые позволяют этого добиться. А так как права надлежит оценивать в терминах их определения, то в праве на национальное самоопределение нужно видеть именно индивидуальное право.

3. Для того, чтобы сохранить свою *национальную* идентичность, *индивидуумы* должны иметь возможность выразить ее как в частной, так и в общественной сферах. В самом деле, отдельные личности могут полностью и самым удовлетворительным для себя образом публично реализовать право на национальное самоопределение только тогда, когда существуют и другие люди, разделяющие такие же устремления. Тем не менее, поскольку это право является

индивидуальным, его выражение каждым отдельным человеком заслуживает уважения и поддержки, каким бы ограниченным оно ни было в тех или иных конкретных случаях.

4. Существование общего для всех общественного пространства выражения национальных чувств — необходимое условие самосохранения нации как жизнеспособного и активного сообщества. Человек, чувствующий родство с окружением, оказывается в состоянии вести более полноценную общественную жизнь. Лишь в этом случае "индивидуум способен почувствовать, что его жизнь проходит в сообществе, дающем возможность свободно развиваться и публично выражать именно те черты личности, которые проистекают из чувства принадлежности к родственной группе."⁴²

5. В силу этого национальное самоопределение связано со стремлением обрести такую общественную форму, в рамках которой человек не только рассчитывает сотрудничать с другими ради удовлетворения своих частных интересов, но также надеется найти способы выразить свою сопричастность сообществу. Тем самым в центре призывов к национальному самоопределению оказывается способность осознать определенные общественные и политические институты в качестве представителей данной культуры и носителей национальной идентичности. Те политические формы, в которых это право реализуется на практике, должны отражать уникальность соответствующей национальной группы, ее самостоятельное место в истории, ее язык, культуру, быть может, даже религию — именно это и дает возможность ее членам считать ее полностью своей.

6. Право на национальное самоопределение можно реализовать до конца только в том случае, если, во-первых, определенная национальная группа признается как своими членами, так и теми, кто к ней не принадлежит, в качестве независимого источника действий и творческих сил, и, во-вторых, если за этим признанием следует установление политического устройства, которое дает ее членам возможность строить национальную жизнь с минимальным вмешательством со стороны. Более или менее общепризнано, что для этого данному национальному сообществу

нужно предоставить максимально широкую автономию, а именно, право на основание суверенного государства-нации. Однако в степени практической реализации этого права не может не играть роли то, что им должны в равной мере пользоваться все нации без исключения.

Не подлежит сомнению, что именно нация-государство в состоянии обеспечить своим гражданам максимальную степень национальной автономии и самый широкий спектр возможностей национального самовыражения. В то же время общепризнано, что практическое воплощение любых прав ограничивается требованием обеспечить всем индивидуумам равную степень свободы. Первый принцип справедливости Роула хорошо это иллюстрирует: согласно ему, каждый человек "должен пользоваться равным для всех правом иметь самые широкие основные свободы, если при этом и все прочие получают такой же доступ к этим свободам."⁴³ Поэтому можно утверждать, что свобода членов каждой нации на реализацию права на самоопределение должна ограничиваться требованием, чтобы и представители всех прочих наций могли воспользоваться своим правом. Наставляя на этой предпосылке, Уолцер утверждает, что "нужно стремиться к такому мировому политическому устройству, при котором все государства имели бы стабильные границы и при этом ни одна достаточно большая группа не чувствовала бы себя обделенной."⁴⁴ Он уточняет, что преимущества, которые приобретают народы, получающие возможность создать свои собственные государства, "должны стать общим достоянием."⁴⁵ Однако не все нации могут достичь такой степени автономии, а ограничение практической реализации права на национальное самоопределение лишь кругом избранных наций не может не вести к сильнейшему неравенству. Отсюда вытекает, что нужно искать другие решения.

Для реализации права на самоопределение существуют различные политические механизмы, позволяющие людям участвовать в национальной жизни своих сообществ. Это может быть формирование национальных институтов, образование автономных сообществ, либо возникновение федеративных и конфедеративных государств. Не имеет

смысла искать всеохватывающий руководящий принцип, позволяющий определить, в каком именно случае право на национальное самоопределение оправдывает данное политическое решение — в каждом конкретном случае лучше всего действовать по обстоятельствам.

Издержки любого решения нужно всегда сравнивать с его преимуществами. Отсюда следует, что в способности наций с максимальной полнотой воспользоваться правом на самоопределение важную роль играет простое везение. Народы, обитающие на больших изолированных территориях, имеют больше шансов добиться автономии, чем обитатели плотнонаселенных районов. Важны также и такие факторы, как природные ресурсы, пригодные для сельского хозяйства земли, доступ к морским берегам, умеренный климат или удачное местоположение. Еще один важный фактор — величина участвующих в игре сообществ: чем больше людей получают выгоды от проведения определенной политики, тем с большей легкостью можно оправдать бремя, перелагаемое этой политикой на других. Как подчеркивает Раз, хотя национальное самоопределение и оправдывается интересами индивидуальных членов сообщества, "личные интересы каждого из них — это еще не основание, чтобы их уважали остальные. Данное право покоится на общих и в то же время особых интересах многих других."⁴⁶ Насколько их должно быть много — это уже другой вопрос, однако из этих рассуждений вытекает, что чем шире данное сообщество, тем большим набором прав будут пользоваться его члены. Однако тезис о важности размеров приобретает смысл только тогда, когда право на национальное самоопределение понимается как кумулятивное индивидуальное право. Если же к нему подходить как к коллективному праву, то будет нелегко понять, на каком основании более крупные группы получают преимущество использования этого права над немногочисленными.

Поэтому предполагается, что различные нации будут в разной степени осуществлять свое право на самоопределение. До тех пор, пока эти различия отражают только неравномерное распределение описанных выше случайных фак-

торов, вряд ли можно говорить, что по отношению к кому-то была допущена несправедливость. В итоге мы можем заключить, что все нации имеют равные права на осуществление национального самоопределения в максимально возможной степени, допустимой в их конкретном положении.

Приняв культурную и, следовательно, индивидуалистическую концепцию права на национальное самоопределение, мы получаем возможность ввести единую шкалу для оценки прав различных наций (будь то группы большинства или национальные меньшинства) и обоснования прав, получаемых этническими группами и коренными жителями. Члены этих групп жизненно заинтересованы в сохранении своей культурной идентичности.

Члены национальных меньшинств обладают национальными правами, потому что они заинтересованы в сохранении своей уникальной культурной сущности. В этом смысле термин "меньшинство" должен относиться не просто к пропорциональным количественным размерам группы, но скорее к степени публичного проявления ее культуры. Динстайн отмечает, что понятие "меньшинства" не следует сводить к количественным характеристикам, и определяет его как группу, играющую "в делах страны не слишком значительную роль"⁴⁷. Но такое определение может ввести в заблуждение, ведь оно в равной степени применимо к американской компартии, к филателистам, ко многим другим группам, не наделенным теми же правами, что и национальные меньшинства, хотя и способным играть какую-то политическую роль.

Культурная интерпретация права на национальное самоопределение оттеняет важность мер, направленных на защиту культурной, религиозной и языковой идентичности меньшинств. Отсюда же следует, что меньшинствам должна предоставляться возможность равноправного сосуществования с национальным большинством, "которое обеспечивало бы сотрудничество между теми и другими, но в то же время обеспечивало бы особые нужды меньшинств и сохраняло их специфику."⁴⁸ В этой связи особое беспокойство вызывает следующая формулировка из устава ООН, в которой право меньшинств на национальное самоопределение

связывается с гражданскими, а не с культурными правами: «В мире, где права личности получают полную защиту, меньшинства со временем исчезнут, и "национальная проблема" перестанет угрожать международной стабильности». Хотя это утверждение внешне защищает права меньшинств на национальное самоопределение, на деле оно может быть использовано для обоснования политики ассимиляции.⁴⁹

Требования коренных народов предоставить им специальные права служат дополнительной поддержкой культурной интерпретации права на национальное самоопределение. Такие требования не только призывают к справедливости и компенсации за прошлые обиды, но также отражают желания этих народов обеспечить полное выражение своей культурной идентичности. Очевидно, что мы только затемним сущность проблемы, если будем переводить борьбу коренных народов из культурной сферы в гражданскую.

Культурная интерпретация данного права, основанная на различии права на самоуправление от права на национальное самоопределение, предоставляет наилучшие возможности для решения национальных проблем следующего столетия.

Примечания

- 1 A. Margalit, J. Raz. "National Self-Determination". *Journal of Philosophy*. 1990, 87, p. 440.
- 2 Y. Dinstein. "Collective Human Rights of Peoples and Minorities". *International and Comparative Law Quarterly*, 1976, 25, p. 102.
- 3 E.H. Carr et al. *Nationalism, A Report by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs*, Oxford University Press, Oxford, 1939, p. XVII.
- 4 S. Weil. *The Needs for Roots*. London. Routledge and Kegan Paul. 1952, p. 95.
- 5 K. Deutsch. *Nationalism and Its Alternatives*. New York, Basic Books, 1969, p. 19.
- 6 F. Hertz. *Nationality in History and Politics*. London. Routledge and Kegan, Paul. 1944, p. 7.
- 7 Там же, стр. 3.
- 8 K. Dyson. *The State Tradition in Western Europe*. Oxford. Martin Robertson. 1980, p. 591.
- 9 Территория, разумеется, может рассматриваться как один из элементов, которые определяют понятие "нация". Но при том для формирования нации не обязательно, чтобы границы территория были четко определены и признаны. В случае создания государства определение границ его совершенно необходимо.
- 10 A.P. D'Entreves. "The State". *Dictionary of the History of Ideas*. 1967, p. 318.
- 11 H. Seton-Watson. *Nation and States*. London. Methuen. 1977, p. 1.
- 12 C. Geertz. *The Interpretation of Cultures*. New York. Basic Books. 1973, p. 315.
- 13 M.G. Forsyth. "State". *Blackwell Encyclopedia of Political Thought*. Oxford. Blackwell. 1987, p. 506.
- 14 R. Sureda. *The Evolution of the Right of Self-Determination*. Leiden. A.W. Sijthoff. 1973, p. 17.
- 15 У женщин тогда не было избирательного права, но предполагалось, что они, как часть национального сообщества, их косвенно представляют отцы или мужья.
- 16 H. Kohn. *American Nationalism*. New York. Collier Books. 1966, p. 326.
- 17 E. Kedourie. *Nationalism*. London. Hutchinson. 1985, p. 14.

- 18 A. Smith. *The Ethnic Origin of Nations*. Oxford. Blackwell. 1986, p. 129.
- 19 G. Hegel. *Hegel's Philosophy of Right*. Oxford. Oxford University Press. 1967. p. 279.
- 20 Burke в сборнике *Theories of Rights*, ed. J. Waldron. Oxford. Oxford University Press. 1984, p. 118.
- 21 G. Hegel. Цит. раб. стр. 218-219.
- 22 Там же, стр. 218.
- 23 A. Smith. Цит. раб., стр. XXIV.
- 24 Там же, стр. XXX.
- 25 Андерсон приводит чрезвычайно интересные примеры того, как новые нации фальсифицируют свою историю. "Покойный президент Сукарно, пишет он, совершенно искренне говорил о том, что Индонезия 350 лет была колонией, тогда как "Индонезия" — изобретение XX века, а большая часть территории нынешней Индонезии была под господством Голландии только лишь в период между 1850 и 1910 гг. (B. Anderson. *Imagined Communities*. Verso Editions. London. 1983, p. 19).
- 26 E. Hobsbawm and T. Ranger, eds. *The Invention of Traditions*. Cambridge University Press. Cambridge. 1983, p. 1.
- 27 Kroeber and Kluckhohn — цитируется Singer-ом в *Encyclopedia of Philosophy*. 1952, p. 181.
- 28 O. Osterud. *Nation Building* — In *Blackwell Encyclopedia of Political Institution*. 1987, p. 379.
- 29 A. Cobban. *The Nation State and National Self-Determination*. Collins. London. 1969, p. 107.
- 30 H. Setton-Watson. Цит. раб., стр. 7.
- 31 Цитируется в книге: L.L. Snyder. *The Dynamics of Nationalism*. D. Van Nostrand. Princeton, N.J., 1964, pp. 26-29.
- 32 S. Hampshire. *Morality and Conflict*. Blackwell. Oxford. 1983, p. 145.
- 33 Цитируется по книге: E. Gellner. *Culture, Identity and Politics*. Cambridge University Press, Cambridge. 1987, p. 6.
- 34 E. Gellner. *Nations and Nationalism*. Blackwell. Oxford. 1983, p. 7.
- 35 R. Williams. *Culture*. Glasgow. Fountana Press. 1981, p. 57.
- 36 E. Gellner. *Nations and Nationalism*. Blackwell. Oxford. 1983, p. 7.

- 37 B. Anderson. *Imagined Communities*. Verso Editions. London. 1983, pp. 13, 15.
- 38 Лишь в том случае, если вся Европа будет рассматривать себя как единую европейскую нацию, понятия самоуправление и самоопределение могут совпасть.
- 39 P. Thornberry. "Self-Determination, Minorities, Human Rights: A Review of International Instruments". — *International and Comparative Law Quarterly*. 1989. 38. p. 883.
- 40 I. Berlin. *Four Essays on Liberty*. Oxford University Press. Oxford. 1969, pp. 157-158.
- 41 J. Donnelly. *Universal Human Rights in Theory and Practice*. Cornell University Press. Ithaca, N.Y. 1989, p. 148.
- 42 J. Raz. *The Morality of Freedom*. Clarendon Press. Oxford. 1986, p. 207.
- 43 J. Rawls. *A Theory of Justice*. Oxford University Press. Oxford. 1972, p. 60.
- 44 M. Walzer. *The Reform of the International System*. — В сборнике *Studies in War and Peace*, ред. O. Osterude. Norwegian University Press. Oslo. 1986, p. 231.
- 45 Там же, стр. 228.
- 46 J. Raz. Цит. раб. стр. 209.
- 47 Y. Dinstein. "Collective Human Rights of Peoples and Minorities". — *International and Comparative Law Quarterly*. 1976, 25, p. 112.
- 48 Там же, стр. 116.
- 49 R. Houser. "International Protection of Minorities and the Right to National Self-Determination". — *Israeli Yearbook of Human Rights*. 1971, p. 92.